

УДК 165(091)

Гносеологические идеи античного скептицизма в контексте тождества «сознание-бытие»

Коротышева Наталья Николаевна¹, Кушова Ирина Андреевна²

¹кандидат философских наук, доцент, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-8646-5794. ResearcherID: V-2261-2018. E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,

Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0002-4591-5488. ResearcherID: B-9521-2019. E-mail: filosofsartr@gmail.com

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы представить ряд гносеологических положений античного скептицизма как органичную часть уникальной мировоззренческой модели античной культуры, связанной с «человеческой субъективностью». Теоретической и методологической основой исследования явился историко-философский материал, непосредственно связанный с заявленной целью и выраженный в трудах как античных авторов, так и ряда других представителей различных эпох и философских направлений, а также современных авторов. При изучении материала использовались методы сравнения и анализа. Авторы применили онтологическое положение о тождестве сознания и бытия к гносеологическим идеям античной философии о скептических тропах, к вопросу об истине и ее критериях и к «принципу воздержания от окончательных суждений». Актуальность исследования видится в разделении объективного и субъективного критерия познания, которое приводит к новому пониманию критерия истины, который, однако, будет обнаружен гораздо позднее – в феноменологических исследованиях Гуссерля. При проведении исследования авторы предпочитали опираться на существующие первоисточники по теме. В качестве таковых были выбраны книги Секста Эмпирика и тесты Диогена Лаэртского, дошедшие до нас и переведенные на русский язык замечательным философом А. Ф. Лосевым. Кроме того, для иллюстрации дальнейшего развития идей античного скептицизма и выработанной ими методологии приводятся выдержки из работ Р. Декарта и Э. Гуссерля. В заключительной части исследования проводятся параллели с рядом положений философии П. Флоренского. Кроме того, в исследовании учитывались выводы классиков советской и российской философии А. Ф. Лосева, Г. П. Григоряна, А. З. Черняка, М. К. Мамардашвили. Из современных авторов близкой к нашей теме проблематикой отличаются публикации Н. В. Мотрошиловой, В. А. Подороги, Я. А. Слина, Д. Н. Разеева и др.

Ключевые слова: античный скептицизм, истина, критерии истины, субъективность, научное мышление, Павел Флоренский, сознание.

Одно из многочисленных самостоятельных направлений древнегреческой философской мысли, скептицизм, возникает примерно в IV–III вв. до н. э. Однако у Диогена Лаэртского читаем: «Пиррон не первый открыл скептическую школу и догм никаких не придумывал. Скептически судили... и Ксенофан, и Зенон Элейский, и Демокрит... так же и Платон оставляет истину богам и божеским чадам, сам же ищет лишь правдоподобного смысла» [5, с. 382]. И как указывает, в частности, А. Ф. Лосев, скепсис пронизывает собой в Греции, а потом и в Риме не только философские трактаты, но и литературные произведения и даже религиозные убежденности [6, с. 6–20].

Самым ранним деятелем и основателем скептицизма в Греции считается Пиррон из Элиды (ок. 360–270 гг. до н. э.). После Пиррона скептицизм развивался по преимуществу в рамках уже академической философии. Среди представителей этого периода, так называемого «академического» скепсиса, можно назвать Аркесилая (315/314–241 гг. до н. э.), Карнеада (214–129 гг. до н. э.), Клитомаха (175–110 гг. до н. э.). Третий этап можно считать своего рода возвращением к скептицизму пирроновскому уже вне рамок Академии. Это учения Энесидема (II в. до н. э.), Агриппы (I в. н. э.) и, наконец, философия Секста Эмпирика (II–III вв. н. э.), взгляды которого явились неким апофеозом всего многовекового предшествующего развития древнегреческого скепсиса.

Далее, переходя к теоретической части исследования, нужно сказать, что нашей целью будет не только систематизация и объяснение основ скептического гносиса, но и попытка представить это специфическое направление античной философской мысли с несколько иной точки зрения, чем это было до сих пор. Потому что, на наш взгляд, здесь можно говорить в

целом об ином типе мировоззрения, ином способе человеческого существования и восприятия окружающей действительности. То есть, говоря другими словами, особые способы познания и нетрадиционные познавательные «методы» древних скептиков неразрывно были связаны или, лучше сказать, встроены в уникальную модель античной культуры.

В первую очередь обозначим те пункты познавательного скепсиса, которые играют роль основных не только для нашей работы, но и для древнегреческой гносеологии вообще. Мы их перечислим, а затем перейдем к краткому рассмотрению каждого конкретного положения. Итак, это – 15 скептических тропов, далее – вопрос об истине и ее критериях, и – «принцип воздержания от окончательных суждений».

Как мы уже видели, античный скептицизм развивался достаточно длительное время, в течение нескольких столетий. Традиционно считается, что развитие это шло по пути выработки все более утонченной аргументации в пользу непознаваемости самой сути вещей, и в свою очередь тропы явились неким «венцом» этого развития. Каждый троп представляет собой аргумент невозможности что-либо утверждать окончательно и бесповоротно, потому что на любой утвердительный тезис всегда найдется тезис отрицательный. Аргументы первых десяти скептических тропов апеллируют как к субъектам восприятия, так и к свойствам объектов, или к отношению между объектом и субъектом, к отношениям между объектами и так далее. Пять же тропов «младших» скептиков носят уже оттенок «научной» логики, так как исходят из разногласия, из продолжения в бесконечность, из связи, из предположения и из взаимоисключаемости [7, с. 239–242].

Все скептические тропы представляют собой, с одной стороны, противоположные смысловые утверждения, противопоставляющие друг другу вещи и явления, с другой стороны, все они имеют общий вывод – это воздержание от суждений. Но речь ни в коем случае не идет о воздержании от жизни, вообще от всяких поступков и действий. Скептики предостерегают и удерживают всего лишь от догматических и преждевременных выводов, которые в философии, а впоследствии и в науке, приобретают характер действующих парадигм и непреложных истин. Но ведь очевидно, и именно на это указывают скептики, что отдельный человек или отдельная школа или даже эпоха, пытающиеся «втиснуть» беспредельное многообразие жизненной реальности в разработанные кем-то когда-то конструкции и схемы, заранее обречены на неудачу. В целом в философии скептиков, может быть, впервые в столь рационально и логически обоснованном виде на первый план выходит «видимость» происходящего с точки зрения человека. Но эта воспринимаемость играет решающую и определяющую роль в жизнедеятельности человека.

Как известно, ни одна теория познания не может обойти самый существенный для себя вопрос, а именно вопрос об истине. На первый взгляд, может показаться, что именно скептики представляют собой в этом смысле уникальное исключение. Если любому утверждению об окружающей действительности и вещах внешнего мира можно выставить противоположное утверждение, значит, и рассуждения об истине не имеют никакого смысла, ее просто не существует. Но таковыми будут только поверхностные выводы.

Вследствие того, что если бы мы даже и подошли к «истинному» знанию, нам необходимо было бы его «узнать» и отделить от знания ложного, то представляется необходимым рассмотреть самый главный вопрос, вопрос о критерии истинности знания.

И вот здесь, на наш взгляд, самое интересное заключается в том, что Секст Эмпирик в своих сочинениях повсеместно употребляет термин критерия истины в двух совершенно разных смысловых значениях. С одной стороны, он говорит о критерии, подразумевая все то, с чем связана любая человеческая деятельность, то есть то, на основании чего мы судим о себе, других людях, действительности, принимаем те или иные решения, соглашаемся либо не соглашаемся с выводами, теориями и т. д. А с другой стороны, рассматривает критерий истины как самостоятельную гносеологическую категорию в ее традиционном философском понимании.

Мы хотим сказать, что именно у скептиков речь идет о двойственности в понимании вопроса о критерии. Дело в том, что они разводят понятия критерия истины и критерия действия. В первом случае имеются в виду доказательства для утверждения существования либо не существования вещи, во втором случае – мотивы человеческих действий. Главную мысль, на которую мы обратили внимание, Секст Эмпирик формулирует так: «... никто, вероятно, не поколеблется относительно того, таким ли или иным является подлежащий предмет, но сомневается в том, таков ли он на самом деле, каким кажется» [7, с. 212]. То есть в качестве

единственного критерия истинности здесь мы можем рассматривать только «явление» вещи. Причем явление, взятое в единстве его непосредственного переживания, независимо от всякого рода доказательств, объяснений и т. д.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что если человек всегда «придерживается» явлений, то он, как правило, и живет в соответствии с собственным жизненным наблюдением. И именно эта жизненная реальность определяет человеческие мысли, поступки, от этого зависит его выбор, образ жизни и действий. Получается, что бессмысленно говорить о какой-то объективной реальности вне человека. Мы запутываемся в массе противоречий, если начинаем рассуждать и судить о вещах в соответствии с их природой, пытаемся выявить и утвердить некий критерий общезначимой истины. На наш взгляд, у скептиков речь идет как раз о необходимом «единстве» реальности, которая без человека и вне человека просто не существует.

В связи со сказанным в качестве отправного пункта для нашего последующего анализа воспользуемся положением Секста Эмпирика, где он формулирует мысль по поводу того, что такое скепсис как таковой и заявляет вполне определенно: «Скептическая способность есть та, которая противопоставляет, каким только возможно способом явление мыслимому; отсюда, вследствие равносильности в противоположных вещах и речах мы приходим сначала к воздержанию от суждений, а потом к невозмутимости» [7, с. 208]. Можно предположить, что здесь под «явлением» понимается «ощущаемое», которое противопоставляется тому, что «мыслится». И речь идет о невозможности выбрать в качестве наиболее достоверного из противоборствующих друг с другом утверждений. Если говорить пока предварительно, то «воздержание от суждений» рассматривается тут как способность человеческого разума пребывать в таком состоянии, когда он, если можно так выразиться, нейтрален, то есть равно ничего не отрицает и ничего не утверждает. Это состояние, в свою очередь, ведет к спокойствию и безмятежности. Скептик, будучи не в состоянии сделать «правильный» выбор между «ощущаемым» и «мыслимым», воздержался. А за воздержанием сама собой последовала и «невозмутимость».

Итак, если мы выяснили, что целью скепсиса является состояние душевного спокойствия, достигнуть которого можно на пути воздержания от суждений, и все скептические тропы также приводят нас к этому принципу, необходимо указать, что же понимали древние греки под термином «эпохе», который со временем утверждается как специфический философский принцип, применяемый уже за пределами античного скептицизма. В своих работах Секст Эмпирик часто использует выражения примерно такого плана: «Я не могу сказать, чему из предложенного нужно доверять, а чему не доверять» [7, с. 246]. В большинстве случаев, следуя везде контексту, это высказывание можно заменить на другое: «Я воздерживаюсь от суждения». В обоих случаях это будет указанием на то, что по степени истинности или неистинности вещи представляются нам равнозначными, и мы не знаем, равны ли они на самом деле, мы ни о чем не можем судить категорично и однозначно, мы лишь утверждаем то, что нам «является», когда мы эти вещи воспринимаем.

Известно, что впоследствии уже Декарт будет применять этот скептический метод первоначального философского воздержания от всяких утверждений «эпохе» с целью «освободить философа от всяких предрассудков и некритически принятых на веру предпосылок» [3, с. 123]. Как указывает, например, Я. А. Слинин, Декарт приходит к выводу о том, что «настоящий философ не должен интересоваться чьими бы то ни было „не более чем правдоподобными“ положениями, обсуждать их, вступать по их поводу в споры. Не должен он выдвигать и свои не более чем правдоподобные положения. Он обязан руководствоваться надежным методом» [8, с. 493].

«Я вижу очень ясно, что для того, чтобы мыслить, нужно быть» [4, с. 282], – эта знаменитая познавательная предпосылка французского мыслителя и ученого представляет собой специфический тип самопознания или самосозерцания, не связанного с чувственным, пространственно-временным опытом. Именно об этом пишет, в частности, А. З. Черняк, утверждая, что рационалистические теории познания традиционно видят источник достоверности и условие возможности высказывать аподиктические (необходимые, не зависящие от обстоятельств их утверждения) истины в интеллектуальной интуиции. Такие созерцания достоверны в том смысле, что в личном опыте созерцающего нет ничего, что можно было бы им противопоставить, что давало бы повод усомниться в созерцаемом; то, что можно утверждать на основании такого опыта – очевидно [10].

Гуссерль тоже пишет об этом во введении к «Картезианским размышлениям»: «Только себя самого, как чистое *ego* своих *cogitationes*, удерживает размышляющий как сущее абсо-

лютно несомненно, как неустранимое, даже если бы не было этого мира. Редуцированное таким образом *ego* приступает теперь к своего рода солипсистскому философствованию. Оно ищет аподиктически достоверных путей, следуя которым в его чисто внутренней сфере можно раскрыть объективно внешнее» [2, с. 3]. Метод же, которым следует выполнять задачу выхода на достоверное знание, Гуссерль назвал «феноменологической редукцией»: «... Вместо того, чтобы наивным образом совершать все акты, без каких не может обходиться конституирующее природу сознание... вместе с их трансцендентными полаганиями, вынуждающими нас благодаря заключенным в них мотивациям ко все новым трансцендентным полаганиям, мы положим в “бездействие” все эти полагания... мы откажемся от их совершения; наш же постигающий, наш теоретически исследующий взор мы направим на чистое сознание в его абсолютном самобытии. Оно и будет тем, что пребудет с нами как искомый “феноменологический остаток” – пребудет несмотря на то, что мы “выключили”, или, лучше сказать, поместили в скобки” весь мир вещей, живых существ, людей, включая и нас самих» [1, с. 12–13]. При этом получается, что: «...Весь пространственно-временной мир, к которому в качестве отдельных подчиненных реальностей причисляются также и человек, и человеческое “я”, – это по своему смыслу лишь просто интенциональное бытие – т. е. такое бытие, которое обладает лишь относительным, вторичным смыслом бытия для сознания... Такое бытие полагается сознанием в его опыте, оно в принципе есть лишь тождественность непротиворечиво мотивируемых многообразий опыта и в качестве такового оно доступно созерцанию и определению – сверх же всего этого такое бытие есть всего лишь ничто...» [1, с. 11].

Эта сознательная «явленность» предметов и вещей, на наш взгляд, позволяет в определенной степени связать древнегреческий скептицизм с феноменологией, тем более что сам термин «эпохе» и известен на сегодняшний день, прежде всего, по работам именно Э. Гуссерля. Конечно, у последнего «эпохе» («вынесение за скобки») уже рассматривается как предварительный этап метода «феноменологической редукции» и заключается в абстрагировании от всех наших предварительных знаний и предположений о мире и вещах, или как указывает сам автор, «производящую выключение». Отсюда следует определенный критерий феноменологической науки: «Не претендовать ни на что, кроме того, что способны довести до ясного усмотрения, по мере сущности, в чистой имманентности самого сознания» [1, с. 183].

Тем более именно на это указывает А. З. Черняк в своем исследовании об очевидности знания: трансцендентальная феноменология опирается на процедуру феноменологического эпохе или «заклучения в скобки» всех трансцендирующих предметных полаганий, в результате чего могут быть различены абсолютное имманентное бытие актуального сознания и относительное, «несамостоятельное» бытие интенциональных предметов. Задача трансцендентальной феноменологии формулируется как анализ этого «абсолютного» бытия, раскрытие его сущности на основе рефлексии над структурами чистого сознания [10]. При этом «вопрос о достоверности, соответственно, ставится как вопрос о *генезисе очевидности*» [там же].

Более того, если Гуссерль ищет решение проблемы, оставаясь в области преимущественно гносеологического анализа, то целый ряд его последователей видит проблему уже в онтологии «сознания другого» (работы М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра), в этическом контексте (М. Шелер), в социализме (А. Шюц) и т. д.

Об определенном «феноменологизме» древних скептиков мы упомянули, но помимо этого хочется обратить внимание на еще один важный момент, связанный со спецификой скептической философии. Дело в том, что при анализе большинства основных положений познавательной теории античных скептиков мы постоянно сталкиваемся, с одной стороны, с жизненными «явлениями», а с другой стороны – с субъектом, или с человеком как носителем этой субъективности, собственных восприятий и отношений с миром.

На наш взгляд, представляется вполне возможным говорить об уникальном историческом и культурном мировоззрении античного скептицизма, который именно открывает «человеческую субъективность», самым непосредственным образом влияющую на внешнюю действительность и, более того, способную ее изменять. У античных скептиков речь идет о неоднозначности в понимании вопроса о критерии истинности знания. Они разводят понятия критерия истины и критерия действия. В первом случае имеется в виду доказательство для утверждения существования либо не существования вещи, во втором случае – мотивы человеческих действий. В итоге в качестве единого критерия истинности мы можем рассматривать только «явленность» вещи. Причем явление, взятое в единстве его непосредственного переживания, независимо от всякого рода доказательств, объяснений и т. д. И именно эта

жизненная реальность определяет человеческие мысли, поступки, от этого зависит его выбор, образ жизни и действий. Получается, что бессмысленно говорить о какой-то объективной реальности вне человека. Мы запутываемся в массе противоречий, если начинаем рассуждать и судить о вещах в соответствии с их природой, пытаюсь выявить и утвердить некий критерий общезначимой истины. На наш взгляд, у скептиков речь идет как раз о необходимом «единстве» реальности, которая без человека и вне человека просто не существует.

Для иллюстрации и подкрепления нашего вывода мы считаем возможным обратиться к работе «Обратная перспектива» замечательного русского мыслителя П. А. Флоренского, где автор, рассуждая об особенностях перспективных соотношений в иконописном искусстве средних веков, приходит к выводу о приоритете в нем особой системы изображения и восприятия действительности, которая носит название «обратной», или «обращенной» перспективы. Для нас важно, что проблему взаимодействия этих приемов Флоренский рассматривает намного глубже и фундаментальнее, чем противоречие в пределах живописи. Речь идет о сути разных «истолкованиях» мира, о разных конструкциях реальности, каждой из которых соответствует собственное «жизнепонимание». Поэтому, в конечном счете, как считает автор, есть всего лишь два отношения к жизни – «внутреннее» и «внешнее», два «опыта мира» – опыт человеческий и опыт научный. Первому типу культуры соответствует эпоха «подлинной» Античности и Средневековья, а второму – дух Возрождения и Нового времени.

Что значит «подлинная» античность? Флоренский пишет, что в Греции прямая перспектива возникает исключительно только в области применения театральной техники из-за потребности в иллюзии, в имитации жизнедеятельности, в «обмане» театрального зрителя. Именно поэтому Демокриту и Анаксагору, одним из первых греческих «теоретиков прямой перспективы», требовалась не «правда» жизни, а лишь ее «подобие», используемое для ближайших действий. Точно так же, как все разнообразие реальности, в том числе и человеческой, тот же Демокрит свел лишь к атомам и пустоте. То есть, получается, как декорация является «обманом» зрителя, который оказывается прикованным к одному месту во время спектакля, так и перспективное изображение реальности навязывает человеку определенную и единственно верную схему восприятия действительности. При этом полагается, что все воспринимаемое, в том числе и сам человек, является неким «материалом», используемым для заполнения заранее известной схемы, составленной «научным разумом», то есть, по выражению Флоренского, все «формы природы» оказываются «клеточками разграфления жизни» [9, с. 46–98].

Таким образом, перспективное или научное изображение мира, по Флоренскому, представляет собой своего рода лжереальность, но претендующую при этом на объективность и «естественность». Именно поэтому для человека, начиная с XVII в., «действительность существует лишь тогда и постольку, когда и поскольку наука соблаговолит разрешить ей существовать» [9, с. 58]. В связи с этим Флоренский и устанавливает неразрывную преемственную связь между средневековьем и истинной античностью: «Пафос античного человека, как и человека средневекового, – это приятие, благодарное признание и утверждение всяческой реальности как блага» [9, с. 59]. И еще: «Древний и средневековый человек... глубоко реалистичнее и твердо стоит на земле», потому что знает, что есть «реальности, то есть центры бытия, некоторые сгустки бытия, подлежащие своим законам, и потому имеющие каждый свою форму» [9, с. 60].

Выводы. У античных скептиков речь идет о неоднозначности в понимании вопроса о критерии истинности знания. Они разводят понятия критерия истины и критерия действия. В первом случае имеются в виду доказательства для утверждения существования либо не существования вещи, во втором случае – мотивы человеческих действий. В итоге в качестве единого критерия истинности мы можем рассматривать только «явленность» вещи. Причем явление, взятое в единстве его непосредственного переживания независимо от всякого рода доказательств, объяснений и т. д. И именно эта жизненная реальность определяет человеческие мысли, поступки, от этого зависит его выбор, образ жизни и действий. Получается, что бессмысленно говорить о какой-то объективной реальности вне человека. Мы запутываемся в массе противоречий, если начинаем рассуждать и судить о вещах в соответствии с их природой, пытаюсь выявить и утвердить некий критерий общезначимой истины. На наш взгляд, у скептиков речь идет как раз о необходимом «единстве» реальности, которая без человека и вне человека просто не существует. Таким образом, получается, что научное мышление пытается реальность подменить лишь ее видимостью, но реальность всегда намного богаче и раз-

нообразнее «натуральной правдивости». А происходит так во многом благодаря именно нашему внутреннему состоянию, от которого непосредственно зависит восприятие внешнего мира, а значит, человеческие действия и поступки, а это уже изменение внешней реальности. В зависимости от этих внутренних состояний мы можем смотреть на одно, а «видеть» совершенно другое. И вот эту внутреннюю реальность, конечно, сами о том не догадываясь, на наш взгляд, и сумели «нащупать» древние скептики. Эта реальность – человеческое сознание – и определяет в большей степени то, что мы видим и как мы живем вследствие этого. Именно на этой корреляции внешнего мира и человеческой субъективности строился кругозор античного скептика, поэтому вполне справедливым будет сказать, что то, что сейчас называется нами «сознанием-бытием», присутствовало также и в миропонимании античной культуры, в частности, в греческом скептицизме.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М. : Академический проект, 2009.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М. : Наука, 2006.
3. Григорян Г. П. Декарт, эгоцентрический предикат и проблема чужих сознаний // Вопросы философии. 1980. № 11. С. 122–142.
4. Декарт Р. Рассуждения о методе. Ч. 4. Сочинения : в 2-х т. М. : Философское наследие, 1989.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступительная статья А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1979.
6. Лосев А. Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Сочинения : в 2-х т. Т. 1. М., 1975. С. 5–58.
7. Секст Эмпирик. Сочинения : в 2-х т. Т. 2 / общ. ред. и перевод с древнегреческого А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1976.
8. Слинин Я. А. Последствия феноменологической редукции // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 490–527.
9. Флоренский П. Обратная перспектива. Сочинения : в 4-х т. Т. 4. 1999. С. 46–98.
10. Черняк А. З. Проблема оснований знания и феноменологическая очевидность. М. : УРСС Эдиториал, 1998.

Epistemological ideas of ancient skepticism in the context of the identity "consciousness-being"

Korotysheva Natalia Nikolaevna¹, Kushova Irina Andreyevna²

¹PhD in Philosophical Sciences, associate professor, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-8646-5794. ResearcherID: V-2261-2018. E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

²PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies,

Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4591-5488.

ResearcherID: B-9521-2019. E-mail: filosofsartr@gmail.com

Abstract. *The purpose of the article is to present a number of epistemological propositions of ancient skepticism as an organic part of the unique worldview model of ancient culture associated with "human subjectivity". The theoretical and methodological basis of the research was the historical and philosophical material directly related to the stated goal and expressed in the works of both ancient authors and a number of other representatives of various epochs and philosophical trends, as well as modern authors. Methods of comparison and analysis were used in the study of the material. The authors applied the ontological position on the identity of consciousness and being to the epistemological ideas of ancient philosophy about skeptical tropes, to the question of truth and its criteria, and to the "principle of abstention from final judgments." The relevance of the research is seen in the separation of the objective and subjective criteria of cognition, which leads to a new understanding of the criterion of truth, which, however, will be discovered much later – in Husserl's phenomenological studies. When conducting the study, the authors preferred to rely on existing primary sources on the topic. As such, the books of Sextus Empiricus and the tests of Diogenes Laertius, which have come down to us and translated into Russian by the remarkable philosopher A. F. Losev, were chosen. In addition, to illustrate the further development of the ideas of ancient skepticism and the methodology developed by them, excerpts from the works of R. Descartes and E. Husserl are given. In the final part of the study, parallels are drawn with a number of provisions of P. Florensky's philosophy. In addition, the study took into account the conclusions of the classics of Soviet and Russian philosophy A. F. Losev, G. P. Grigoryan, A. Z. Chernyak, M. K. Mamardashvili. The publications of N. V. Motroshilova, V. A. Podorogi, Ya. A. Slinin, D. N. Razeev and others differ from modern authors in issues close to our topic.*

Keywords: ancient skepticism, truth, criteria of truth, subjectivity, scientific thinking, Pavel Florensky, consciousness.

References

1. Husserl E. *Idei k chistoj fenomenologii* [Ideas for pure phenomenology]. M. Academic project, 2009.
2. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian reflections]. M. Nauka (Science), 2006.
3. Grigoryan G. P. *Dekart, egocentricheskij predikat i problema chuzhizh soznaniy* [Descartes, the egocentric predicate and the problem of alien consciousnesses] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1980. No. 11. Pp. 122–142.
4. Descartes R. *Rassuzhdeniya o metode. Ch. 4. Sochineniya : v 2-h t.* [Reasoning about the method. Part 4. Writings : in 2 vols.]. M. Philosophical heritage, 1989.
5. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov* [About the life, teachings and sayings of famous philosophers] / gen. ed. and the introductory article by A. F. Losev. M. Mysl, 1979.
6. Losev A. F. "Kul'turno-istoricheskoe znachenie antichnogo skeptitsizma i deyatel'nost' Seksta Empirika" ["The cultural and historical significance of ancient skepticism and the activity of Sextus Empiricus"] // *Sextus Empiricus. Sochineniya : v 2-h t. T. 1* [Writings : in 2 vols. Vol. 1]. M. 1975. Pp. 5–58.
7. *Sextus Empiricus. Sochineniya : v 2-h t. T. 2* [Essays : in 2 vols. Vol. 2] / general ed. and transl. from ancient Greek by A. F. Losev. M. Mysl, 1976.
8. Slinin Ya. A. *Posledstviya fenomenologicheskoy redukcii* [Consequences of phenomenological reduction] // *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya* – Herald of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology. 2017. Vol. 33. Is. 4. Pp. 490–527.
9. Florenskij P. *Obratnaya perspektiva. Sochineniya : v 4-h t. T. 4* [Reverse perspective. Works : in 4 vols. Vol. 4]. 1999. Pp. 46–98.
10. Chernyak A. Z. *Problema osnovanij znaniya i fenomenologicheskaya ochevidnost'* [The problem of the foundations of knowledge and phenomenological evidence]. M. URSS Editorial, 1998.